

Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2.

Ингушские сказки, сказания и предания / Сост. И.А. Дахкильгов. Нальчик, 2002.

Светлов В.Я. Сочинения. СПб., 1910. Т. 2.

Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997.

Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Назрань, 2003. Т. 1.

В.Ю. Крюкова

САМОВАРЫ И ЗОРОАСТРИЙСКИЕ АЛТАРИ НА БЕЛУДЖСКИХ КОВРАХ СЕРЕДИНЫ XX В.

При всей консервативности традиционных ремесел, помимо сохранения устойчивых элементов, они постоянно предлагают и новые, актуальные темы. Как правило, для их раскрытия видоизменяются старые формы, по тем или иным признакам близкие современным объектам. Так, в последние десятилетия в афганских и некоторых других коврах популярными стали изображения видов современного оружия (пистолетов, автоматов Калашникова и пр.), вписанных в обычные для ковровых изображений композиции. Среди белуджских ковров примерно пятидесятилетнего возраста можно выделить целую серию с ритмичными изображениями «русских» самоваров, выполненных в обычной для традиционных ковровых изделий этого народа темной цветовой гамме. Как самовары (персидское слово *samāvar* является заимствованием из русского; видимо, из России был заимствован и сам самовар, до сих пор остающийся в Иране в употреблении), так и автоматы Калашникова уже давно вошли в число совершенно обыденных, но вместе с тем знаковых предметов культур ираноязычных народов.

Другим примером вхождения новых элементов в ремесленную традицию является хорошо известное полное или частичное переосмысление элементов изображения. Со временем тот

или иной образ, обрастая деталями или, напротив, теряя их, меняет первоначальное значение и получает новое толкование и название в среде самих ремесленников-производителей. В этом случае раскрытие его первоначального содержания подвластно только специалистам. Однако не всегда угасание прежнего смысла, вложенного в изображение, является полным. Иногда, возможно, в тех случаях, когда образ входит в число наиболее популярных или значимых в культуре, он частично сохраняется и остается читаемым.

Около двух лет назад на исфаханском рынке (г. Исфахан, Исламская Республика Иран) появилась интересная серия белуджских ковров, приобретенная собирателями в г. Заболь и его окрестностях. Все ковры имеют примерно одинаковые размеры: около 2,2 м в длину и 1,1 м ширину. По периметру ковры оформлены широким бордюром примерно 0,25 м шириной. Изображение вертикальное: по полю в три ряда один над другим, по две в каждом ряду, изображены шесть стилизованных ваз на ножках. Венчик ваз отогнут, над ним возвышаются параллельные линии «стеблей», под углом преломляющихся и расходящихся веерообразно в верхней части, где они декорированы стилизованными цветками. На некоторых коврах имеются дополнительные детали, например небольшие фигуры животных, обращенных в сторону ваз или от них, а также элементы растительно-геометрического орнамента. Тонически ковры очень темные, на темно-коричневом, темно-красном, темно-синем фоне выделяются более светлые силуэты ваз и яркие огненно-оранжевые вертикальные линии исходящих из них «стеблей». Возраст ковров — примерно 50 лет, степень износа различная.

Заболь является столицей одноименного шахристана в провинции Систан и Белуджистан. Согласно переписи 2006 г., в городе проживает около 130 тыс. человек, большая часть которых — персы, говорящие на диалекте персидского (систани). Шахристан, расположенный вблизи ирано-афганской границы (от г. Заболь до нее 20 км) и недалеко от Пакистана, одновременно лежит на границе расселения белуджских племен.

Если современный Заболь представляется весьма отдаленным приграничным городом, в древности — в эпоху бронзы

и позднее, при Ахеменидах и последующих иранских династиях, — территории как нынешнего шахристана, так и всей провинции играли значительную роль. Об этом сегодня свидетельствуют руины исторических памятников, память о зороастрийских местах поклонения, включая террасу Кух-и Ходжа, сохранившийся зороастрийский храм Сасанидского времени Аташ-и Каркуй. В среднеперсидском трактате *Abdih ud sahīgih ī Sagestān* озеро Хамун (среднеперс. *kayānsīh*), вблизи которого расположен современный Забол, названо одним из чудес света. Хамун (авест. *kąsaoya-*) имеет важнейшее значение в зороастрийской эсхатологии — именно в этом озере, согласно авестийским текстам, хранится семя пророка Заратуштры, из которого от непорочной девы будет рожден Спаситель-Саошйант. Таким образом, интересующая нас часть Систана не только неотъемлемо связана с историей зороастризма, но и сохраняет свое значение для современных зороастрийцев Ирана, поскольку мыслится ими главной ареной будущего Страшного суда и прихода Спасителя. Безусловно, в иранских условиях исламского государства нельзя преувеличивать влияние образов зороастрийского прошлого, равно как и степень осведомленности современного населения о последнем, тем не менее неверно и умалять проникновение его идейных и художественных элементов в различные области традиционной культуры.

Белуджские ковры, производимые в Заболе, высоко ценятся на иранском рынке. Как и другие племенные ковры, они интересны не только качеством, дизайном и пр., но и тем, что производятся для собственных нужд, без учета вкусовых потребностей внешнего потребителя. Среди отличительных черт белуджских ковров обычно называют достаточно темные тона, включая темно-красный, коричневый, темно-синий, а также ритмичный геометрический орнамент. К числу довольно редких относится изображение «вазы с цветами» — в белуджском варианте этот мотив может быть реализован максимально схематично, со значительной геометризацией элементов.

Основным иранским центром ковроделия, связанным с тиражированием изображений вазы с цветами, является Керман. Исторически белуджские племена связаны с керманским регио-

ном — здесь они обосновались в горах в X в. и именно отсюда были потеснены тюрками в XI–XII вв. на восток в современные пределы расселения. Однако интересующий нас мотив появляется на керманских коврах позднее, его связывают с сефевидским периодом (1501–1722). Керманские ковры славятся изысканностью и сюжетным разнообразием, а частота появления на них мотива вазы с цветами дала название «вазовой» технике их изготовления. Эту технику, как и сам орнамент, до сих пор используют в Кермане [Housego 1989: 125, 127]. Что касается орнамента, он является вариантом изображения «дерева жизни», «мирового дерева» наибольшую популярность в таком виде получившего в средневековой иранской архитектуре и различных видах искусства.

Интересно сходство манеры изображения линий стеблей, исходящих из ваз, представленных на белуджских коврах, — максимально геометризованного — с одним из древних вариантов изображения мирового дерева на цилиндрической печати раннего Новоассирийского периода. На печати «дважды изображен ассирийский царь, стоящий по обеим сторонам стилизованного дерева» [Black, Green 1992: 170], поклоняющийся богу Шамашу в крылатом диске. За фигурами царя помещены крылатые демоны с сосудами для очистительных обрядов. Само дерево помещено в вазу с обозначенным загнутым венчиком и представляет собой два(?) вертикальных стебля с горизонтальными узловатыми ответвлениями, заканчивающимися стилизованными цветками(?). Верхняя часть дерева оформлена веерообразным завершением из нескольких ветвей с «цветками». Изображения такого рода нередко встречаются в искусстве древней Месопотамии, их связывают с обрядами очищения и плодородия, часто на них показаны пальмовая ветвь, вода, огонь [Ibid.: 171]. Интересно, что сходным образом изображалась вода (очевидно, как символ жизни, как атрибут некоторых божеств), исходящая из сосуда, — как поднимающийся вверх набор вертикальных линий, затем переходящий в горизонтальное положение и, наконец, опускающийся вниз (настенная роспись внешней стены тронного зала дворца Зимри-Лима в Мари, начало II тыс. до н.э.). Оба примера объединяет очевидная идея роста, увеличения — сначала верти-

кального, а затем распространяющегося во все стороны движения.

Безусловно, такие образы, как мировое древо, животворный источник воды, огонь, тематически очень близки. Их иконография, особенно в стилизованных вариантах, действительно может быть сходной. Интересна в этой связи интерпретация вазового узора на белуджских коврах, подаваемая современными иранскими собирателями. Они предлагают видеть в вазах на коврах зороастрийские чаши-алтари огня, а в вертикальных линиях-стеблях — стилизованные языки пламени. Действительно, цвет, в котором выполнены линии, — огненно-оранжевый — весьма эффектно смотрится на темном фоне ковра. Ваза вполне соответствует виду современного зороастрийского алтаря, который представляет собой большую металлическую чашу с отогнутым венчиком, на цилиндрической ножке.

Подобная интерпретация интересна в нескольких аспектах. Прежде всего возраст серии ковров, примерно 50 лет, отсылает нас к эпохе шахского правления, когда зороастризм вошел в моду, а на гербе Ирана при династии Пехлеви с 1925 по 1979 г. помещался главный зороастрийский символ *фравахар* (изображение божества в крылатом диске). В самом Заболе, как уже упоминалось, имеются древние зороастрийские памятники, хотя знаменитый храм Аташ-и Каркуй не действует. Алтари, или, точнее, *аташданы*, сосуды для хранения огня современного вида, появились в Иране очень поздно — во второй половине XIX в. Они вошли в обиход под влиянием индийских парсов, в самой Индии появившись не ранее XV в. Именно на такой алтарь-сосуд похожи вазы на серии белуджских ковров. Примечательно, что эти ковры по возрасту и отчасти иконографии близки к упоминавшимся ранее коврам с самоварами, так же как примерно совпадает введение в обиход в Иране тех и других предметов (за сто лет до создания ковров).

Сложно сказать, имели ли в виду ковроделы именно зороастрийские вазы для огня. Однако собиратели, выставившие ковры на рынок, будучи образованными людьми, безусловно знакомы с зороастрийскими алтарями современного типа, хотя знакомство это носит поверхностный характер. Так, согласно

полученной автором статьи полевой информации, исфаханские продавцы ковров никогда не были в зороастрийском храме г. Исфахан и им неизвестно позднее происхождение чаш для огня. Напротив, они полагают, что так же, как и в случаях сохранения в ковроделии древнейших орнаментов, сохранились и изображения зороастрийских алтарей, поскольку «зороастризм — самая древняя религия». Таким образом, мы имеем дело с ошибкой, которую иногда совершают и исследователи зороастризма, переоценивая его консервативность. Ко всему прочему, толкование иранцами ваз как алтарей, будь оно справедливым или ошибочным, возникло на фоне роста интереса к зороастризму в обществе, хотя зачастую этот интерес сводится к использованию образа без должного внимания к его содержанию.

Библиография

Black J., Green A. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. L., 1992.

Housego J. Carpets // The Arts of Persia. Ed. by R.W. Ferrier. New Haven; L., 1989.

Е.Л. Кубель

КАРАКАЛПАКСКАЯ ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА В СОБРАНИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Количество экспонатов по рассматриваемой теме в каракалпакской коллекции Российского этнографического музея (РЭМ) составляет около 30 памятников. Самые ранние поступления относятся к 1929 г. Это пара детской обуви из собрания А.Л. Мелкова. Большая часть детской одежды была собрана в 1934 г. экспедицией Музея народов СССР (Москва) под руководством С.П. Толстова. В те годы сотрудники музея работали над созданием новой экспозиции, посвященной народам Средней Азии.